

С. С. Алексашин

**«ВАРЯЖСКОЕ ПРИЗВАНИЕ».
К 1150-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Летописный текст о «варяжском призвании» как в популярном, так и в традиционном историографическом понимании стал парадигмальной точкой отсчета в исследовании вопроса об исторических корнях древнерусской государственности. Событие, о котором повествуется в тексте, составляющем начало первой части «Повести временных лет»¹ и в определенном смысле являющемся доминантой всей летописи, по своему историческому значению справедливо относится к эпохальным фактам отечественной истории. Не случайно потому «призвание» легло в основу знаменитой норманнской теории, которая в ответе на вопрос о роли приглашенных варягов в образовании государственности на Руси, в сущности, имеет основу той или иной трактовки «варяжской легенды» русских летописей. В зависимости от доминирующей политической конъюнктуры история о «призвании» в исторической мысли приобретала шведскую (Петр Петрей), болгарскую (рукопись «Джагфар Тарихы») и совсем кажущуюся алогичной алано-чеченскую социально-политическую подоплеку. В общем смысле собственно исторический аспект проблемы варяжского призвания заключается в прояснении трех вопросов: кто, откуда и кем были призваны варяги-русы? Средневековая западноевропейская летописная историография во многом способна прояснить эти вопросы.

Как показывает исследовательский опыт, историографическое сопоставление летописных текстов с доминирующим мотивом «призвания иноземцев в управление» имеет свои веские основания. Так, исследование А.А. Куника, посвященное сравнительному анализу отечественного «призвания» и «Сказания о призвании англосаксов», авторами которого были Видукинд Корвейский, Павел Диакон и Лев Остийский, показало, что бри-

танское сказание во многом явилось сюжетным прототипом древнерусского текста. Действительно, некоторые сюжетные линии «призвания» едва ли не дословно совпадают с англосаксонской летописью, что прежде всего отразилось во фрагменте о приглашении иноземцев в управление: «И вот когда распространилась молва о победоносных деяниях саксов, жители Британии послали к ним смиренное посольство с просьбой о помощи. И послы (из Британии), прибывшие к саксам, заявили: “Благородные саксы, несчастные бритты, изнуренные постоянными вторжениями врагов и поэтому очень стесненные, прослышав о славных победах, которые одержаны вами, послали нас к вам с просьбой не оставить (бриттов) без помощи. Обширную, бескрайнюю свою страну, изобилующую разными благами, (бритты) готовы вручить вашей власти”».

Историческая реплика очевидна, однако в начале XX века отечественный историк А.А. Шахматов в своем исследовании «Сказание о призвании варягов»² подверг сомнению историческую суть данного текста, объявив всю летопись «поздней вставкой», «синтезом нескольких северорусских преданий», подвергнутых основательной переработке летописцами. Текст о «призвании» был объявлен чуть ли не плодом творчества киевских летописцев второй половины XI — начала XII века.

Следующий приведенный нами фрагмент из «Дней арабов», описывающий аналогичные события, но имеющие местом действия уже арабский мир тремя столетиями ранее, рассеивает скоропалительные выводы историка о невозможности данного исторического события: «Когда люди бакр ибн ва'ил стали безрассудны и одолели безрассудных рассудительных, захватив дела правления в свои руки, и прервались древние связи родства, собрались их предводители и сказали: “Безрассудные овладели правлением, сильный поедает слабого, нужно поставить над нами царя, которому мы станем отдавать овцу и верблюда, он возьмет для слабого у сильного, вернет обиженному от притеснителя. Но не может им быть ни один из нас, другие ему станут прекословить, и дела наши только ухудшатся. Пойдем к Тубе, пусть он поставит царя над нами”. Они пошли и поведали ему о том, что с ними стало, и поставил он над ними ал-Хариса ибн 'Амра ибн Худжра»³.

Факт того, что перед нами еще одна реминисценция исходной летописи, которую можно понимать как исторически и юридически выверенную формулу дипломатической ноты между переговорщиками, не подлежит сомнению. Признание этого факта делает возможным допустить, что институт «выборщиков» мог существовать и задолго до датированного при-

звания Рюрика, а в Приильменье имело место устойчивое протогосударственное образование с децентрализованной властью.

Героями призвания были три брата: Рюрик, Синеус и Трувор. Характерно, что Рюрик в древнерусских летописях предстает перед нами «без роду и племени», бестелесным наместным чиновником с полумифическими братьями, которые быстро и одновременно умирают, оставив нам память о крайних границах в Изборске и Белоозере государства, образованного ильменскими насельниками. Правление Рюрика на Руси, если следовать летописям, невыразительно, событийные сведения выхолощены и отрывочны, характерные поступки отсутствуют. Все же Рюрик пришел на Русь в критическом для мужчин раннего Средневековья возрасте. Однако, как мы видим (примерно эту же дату нам предлагает профессор Ф. Крузе⁴), Рюрик для Руси был еще бодр и моложав, оставив сына и двух дочерей. Это блистательно доказал в 1810 году историк И.Ф. Круг в работе «Критический опыт объяснения Византийской хронологии в связи с древнейшей историей Руси», что помогло ему защитить подлинность договора Игоря с греками от 944 года.

В свою очередь отечественная историография отождествляет Рорика Фрисляндского и Рюрика Новгородского с оговоркой, что имел место институт приглашения на Русь. Впервые эту версию призвания правителей из варяг, из руси выдвинул сам летописец — преподобный Нестор, и, по негласному решению историков, он стал основоположником норманнской теории. Европейские анналы сообщают нам о Рорике Фрисландском как о человеке с недюжинными способностями политика, воина и предпринимателя.

В Приильменье к приходу Рюрика сложилось протогосударственное образование — союз ильменских насельников, или *civitate*, в который входили округа (*pagi*). Особенностью этого союза было его полиэтничное образование из мелких князьков с уделами и окружных насельников. *Проблема заключалась в отсутствии единого правового поля, столь необходимого для региональной экономики, базисом которой были международная транзитная торговля и солевой промысел со своими местными акцизами, побережными и подорожными податями и прочими особенностями.*

Судя по некоторым правовым аналогам, при таком приглашении, как в призвании, — воина с дружиной — оговаривалось вождество, то есть подкрепляемое присутствием личной дружины право на пожизненное владение отдельными территориями без наследования, дарения и участия владений в обороте. Таким образом, создавалась модель некоего дружинно-

го княжества. Характерно, что Рюрик не приглашался на должность Великого князя и эту титулатуру летописи к нему не употребляют — в контексте исторических реалий IX века такой титул выглядел бы явным анахронизмом. Возможно, неслучайно летописи берут начало генеалогии князей лишь с Игоря Старого, и имя Рюрика как княжеское используется в генеалогическом древе его потомков только с середины веков, когда исторические нюансы уже стерты временем. Не исключено, что только к тому времени стал зарождаться институт княжения с вертикальной властью, хотя, судя по реалиям времен Ярослава Мудрого, еще весьма ограниченной. Естественно, вся эта процедура согласовывалась с неписаными правовыми нормами традиционных архаических обществ. На втором плане (для приглашавших Рюрика этносов, но не для него самого) были функции защиты региональной экономики с поддержкой на европейском и азиатском рынках. С этими функциями Рюрик справился вполне успешно.

Рорик Фрисландский с товарищами к этому времени имел в пользовании часть датского полуострова от Северного моря до Балтийского по реке Айдер и прямой контроль над двумя крупными портовыми городами. То есть в Европе в 852 году он контролировал важнейший торговый путь через устье Рейна и по р. Эйдер⁵, по которому на Балтику и далее попадали франкские (мечи, вино, украшения) и фризские (сукно, гребни и пр.) товары. Произошло совпадение интересов обеих сторон. Ко времени призвания в Европе во главе с Рориком Фрисландским было фактически создано транснациональное торговое сообщество. После нападения на торговые города Бирку и «богатый город (*ad urbem*) во владениях славян (*in finibus Slavorum*)»⁶, овладения Дорестадом статус Хедебю значительно возрос, как и авторитет Рорика — опытного воина и предприимчивого правителя фризских областей, понимавшего приоритет торговли над грабежами и разбоями. К этому времени Рорику удалось создать «логистическую дугу» Дорестада–Хедебю. Однако торговая экспансия Рорика, судя по ряду связанных между собой событий 859–860 годов, не ограничивалась севером Европы и имела далекоидущие намерения. «Норманн Рорик, управлявший Дорестадом, с согласия своего господина, короля Лотаря, повел флотилию в область данов и по соглашению с королем данов Хориком взял во владение вместе со своими товарищами часть земли, находящейся между морем и рекой Эгидора (Айдер)» — сообщают анналы.

Описание Рорика-Рюрика как правителя и личности у Нестора вступает в критическое противоречие с косвенными фактами и наводит на мысль о сознательном вымарывании деятельности Рорика-Рюрика и его роли

в становлении государственности на Руси. Местному Рюрику в истории Руси отводится место временщика, приведшего военно-торговое образование «Русь» к созданию Олегом Киевского государства. Приоритет созидателя и строителя государственности получает полумифическая личность Олега, чья биография в точности повторяет жизнеописание скандинава Одда из «Лживых саг». Речь идет о племяннике Олеге, который неожиданно по смерти Рюрика приобретает уникальные качества строителя крепостей, свата, талантливого полководца многотысячного войска, и он же якобы оставляет Новгород и чуть ли не в одиночку с малолетним Игорем на руках захватывает Киев. Детали эпизода овладения хитростью Киевом весьма точно напоминают захват Гастингсом города Луны. Излишне пафосно и наивно в наши дни выглядит сцена передачи регентских полномочий и малолетнего сына Игоря Олегу. Безусловно, все эти литературные пассажи ангажированы и были предприняты с целью разрыва в исторической мысли властных связей Новгорода с Киевом. Очевидно, что деяния Рорика-Рюрика на Руси, его устремление к Византии и овладение Киевом с абсолютной властью в своем лице, преемственностью своему роду становились опасной ересью для историков раннего Средневековья и ставили Киев в истории Руси во второй эшелон и политическую зависимость не только от Новгорода, но и от европейского рода Рорика-Рюрика. Хотя в борьбе за княжий стол, как мы видим, Рюриковичи не стеснялись обращаться за военной помощью к своим дальним родственникам. Центр всех исторических событий в «Повести» смещается по летописям к Киеву с целью объявить его ядром православной веры и русской государственности. Характерно, что все эти события происходят в несторовском летописании в 882 году, то есть тогда, когда в этом же году в европейских анналах бенефиции (“*Roricus habuerat... tennerat*”) Рорика Фрисландского после его кончины обрели нового правителя в лице Готфрида — дальнего родственника Рорика. Более правдоподобно личность и биография Олега, хотя и фрагментарно, отражены в «Кембриджском документе», где Олег после неудачных походов в Византию стыдливо бросает свою страну и уходит морем в Персию. «И пал он там и весь стан его» — сообщает рукопись.

Естественно, вопрос о национальной идентификации, столь интересный для отечественного обывателя, неотъемлемо возникает при знакомстве с этой частью древнерусской истории. Пристального внимания достойны исследования генеалогического дерева Вельфов немецким математиком Г. Лейбницем. Почти четверть века с особой тщательностью великий математик готовил этот труд. Нет повода подозревать Лейбница в тенденциоз-

ности изысканий, поскольку работа была инициирована прежде всего самими Вельфами и необходимостью отказаться от баснословных генеалогий. Своими трудами Лейбниц доказал, что Рюрик пришел на Русь из Вагрии — страны на берегу Балтийского моря. О Рюрике упоминается в родословном древе, созданном исследователем, поскольку им были найдены факты родственных связей. «Эта Вагрия, — пишет Лейбниц, — была несколько раз покоряема норманнами или датчанами. Итак, Рюрик, по моему мнению, был датского происхождения, но пришел из Вагрии или из окрестных областей. Поэтому название этой страны у славян легко могло сделаться названием всего моря, и русские, не умевшие, вероятно, хорошо произнести “гр”, сделали из Вагрии Варяг»⁷.

Версия о генеалогической связи рода Рорика с домом Вельфов весьма привлекательна. Действительно, известно, что имели место две родовые линии Биллунгов — Мекленбургская и Саксонская. Дело в том, что саксонскую линию и дом Брауншвейгов в 665 году основал Биллунг I из западной провинции Мекленбурга (Вагрии или Вагирской марки) г. Вендена, граничащей с Саксонией. Биллунги среди князей Мекленбурга встречаются в источниках X века. В 804 году нордальбинские саксы были переселены с семьями внутрь Франции и Германии. Саму же Нордальбингию, то есть западную часть Голштинии до устья Эльбы с выходом к морю, Карл Великий передал славянам-ободритам из округа Россенгау. Семья Вельфов долгое время находилась в опале и была лишена привилегий из-за поддержки саксонского восстания и сопротивления преобразованиям Карла Великого в своей империи. Правнучки этого графа были замужем за Каролингами: Юдит Вельф состояла в браке с императором Людовиком Благодетельным. Вероятно Г. Лейбниц, скрупулезно изучая генеалогию этого дома, нашел коллатеральные связи Вельфов с Мекленбургским домом, поскольку точно известно, что они были связаны браком и являлись в позднее время родственниками мекленбургским правителям по линии Германа Биллунга. В настоящее время неизданные тома рукописей Г. Лейбница находятся на хранении в архиве Гамбурга и ждут своих исследователей. Любопытно, что около 900 года женой Дитриха Брауншвейгского была Рейнхильда из Хедebu (Hedeby), внучка Харальда Клака и дочь Годфрида, то есть внучатая племянница Рорика Фрисляндского, унаследовавшего после смерти Рорика его земли в правление. Связь Вельфов с Рюриковичами подтверждают и другие матримониальные браки. В 977 году на Руси между Рюриковичами разгорелась междоусобная война, и один из братьев — в то время удельный князь Владимир — бежал из Новгорода в несторовское «за море».

В 980 году Владимир вернулся на Русь с варяжским войском. Согласно немецкой «Генеалогии Вельфов», родственник императора граф Куно фон Энингэн (будущий герцог Швабии Конрад I) выдал замуж свою дочь и внуку императора Оттона Великого за «короля ругиев». По одной из версий, Кунигунда стала женой князя Владимира после смерти его супруги, византийской царевны Анны. Владимиру была крайне необходима независимая от политической ситуации военная поддержка захваченного им великокняжеского престола. В 1018 году мачеха Ярослава, то есть вдова Владимира, была пленена Болеславом I вместе с сестрой Ярослава Предславой и его первой женой Анной. Вторым браком уже сын Ярослава Святослав Ярославович был связан с Одой Штаденской из рода Вельфов, возможно, дочерью маркграфа Луитпольда Бабенберга, родственницей Папы Льва IX и императора Генриха III. И далее эта традиция только укреплялась. В 80-е годы XI века, по сообщению Анналиста Саксона, сын маркграфа северной марки Удона III Генрих Длинный Штаденский обручился с дочерью русского короля. Невеста получила имя Адельгейды, под этим именем в европейскую историю вошла дочь Всеволода Евпраксия, позднее вернувшаяся на родину и постригшаяся в монахини в 1106 году.

Призвание как временный, срочный, институт правления землями Древней Руси раскрывают первые, архаичные списки «Повести». Междоусобица и беззаконие привели племена Древней Руси к анархии и кровопролитию. На вечевом собрании, ставшем впоследствии высшим органом власти, представители народов пытались выбрать единого великого князя-объединителя. Идея была отвергнута, поскольку мог возникнуть соблазн лоббирования через делегируемого князя интересов одного из племен. Три года прошли в переговорах, и наконец было принято соломоново решение — призвать независимого правителя из варягов-русов. В мирное время это правитель, исполняющий местные «законы отцов и предков», будучи верховным судьей, «судил бы по праву», и вождь-защитник в лихую годину. Эти же принципы управления у русов, вооруженных сулаймоновыми (франкскими) мечами, и статус их царя, порой подчиняющегося воле жреца-знахаря, приводит в своей «Книге дорогих ценностей» арабский географ IX века Ибн Русте. К слову сказать, в этой связи географ Ибн Русте упоминает и город славян как Сла.а — «приятный город, и из него, когда царит мир, ведется торговля со страной Булгар». Славенск, как прототип Новгорода, описывает В.С. Татищев в произведении «Об истории Иоакима Епископа Новгородского», в части «О князьях русских старобытных». В настоящее время это район Славенский конец г. Великого Новгорода, на

историческом месте древнего поселения Славно. Отдельные поселения на Торговой стороне существовали уже в IX–X веках, но они не были непосредственно связаны с городом. Академик М.Н. Тихомиров в монографии «Древнерусские города», говоря о начале заселения Приильменя, допускал, что таким древнейшим населенным пунктом справедливо может считаться холм Славно с позднейшей церковью Илии пророка.

Следует отметить, что идея призвания, после невозможности выбора князя внутри союза, предполагала приглашение князя со стороны, и в конечной форме формула «княжение» отсутствует в Никоновской летописи. Но далее Рюрик именуется князем. В более архаичных списках — Лаврентьевской, Несторовой, Ипатьевской летописях — все с точностью до наоборот. То есть в более раннее время составления летописей институт княжения предусматривал только временное владение, управление и не носил титулатурной функции. Ко времени составления Никоновской летописи (XVI век) автор вводит понятие «князь». Но во времена призвания в Европе был период ранней феодализации, кровавой междоусобицы и передела собственности империи. Аристократы из знатных родов, назначенных франкскими королями и императором на должности баронов, графов округов и марок и герцогами провинций, становились не столько носителями должностных титулов, сколько особой кастой. Для Ильменского союза этот процесс был еще в развитии, и речь о «княжении» может идти исключительно как об исполнительской должности.

Столь ли обидное прошлое видится в предании о приглашении Рюрика и варяжской дружины? Ведь тот институт выбора и общественного договора как высшую форму демократии мы смогли восстановить и применить только спустя тысячу с лишним лет! Фигура легендарного князя Рюрика занимает особое место в понимании истоков русской государственности. Для российской истории Рюрик — фигура знаковая. Интерес к его судьбе и фактам его биографии неизменно возрастает в периоды поиска объединительной идеи, корней и истоков земли русской. Во все времена точка зрения на его приход в славянские земли была исключительно политизированной. Это поле баталий западников со славянофилами, усеянное поломанными копьями и разрушенными репутациями. Кто же был этот варяг — наш или чужой? Каковы были истинные мотивы его прихода «попяша по себе всю Русь», и кто такая «русь», и от кого прозвалась «Русская земля»?

Если сравнить процессы, походившие в эпоху Рюрика, с процессами в XXI веке, то мы увидим поразительное сходство — ничто не ново, и все повторяется. Та же объединенная Европа, как и при нашем герое — Свя-

щенная Римская империя, с единой валютной системой, но гораздо устойчивее, единое торговое пространство. Те же конфликты с мусульманским миром, идеологические и этнические проблемы. Нельзя не отметить и различия, которые сегодняшние глобальные проблемы только ярче высвечивают. Империя Каролингов была в значительной степени возрожденным реликтом поздней Римской империи при набирающей силу феодализации, что в основном обеспечивало единство Запада. И Византия мало отличалась от позднеримской империи. Халифат Аббасидов представлял собою замечательный синтез родового арабского общества, традиций персидской монархии Сасанидов и античной образованности (они знали древнегреческую литературу, философов и т.п. в оригинале, в отличие от франков) — общество, значительно более веротерпимое, чем христианский Запад. Таким образом, мир IX века с социальной и культурологической точки зрения более походил на Римскую империю эпохи Домината (IV век), чем на современный мир. Однако в целом стремительно создавалась картина, которую мы знаем, — достаточно взглянуть на политическую карту Европы 800 года н.э., когда царили три империи, и на карту Европы 1000 года н.э. — на ней мы увидим почти современные страны и границы! Где Россия в этом процессе? Если при Карле Великом летописцы называют нас язычниками и данниками империи франков и до Рюрика «имаху дань Варязи», то где мы сейчас? Интегрируемся ли мы в европейское сообщество, или по известной схеме трагедия повторится как фарс, и мы останемся на обочине мировой истории нефтеданниками?.. История не должна тянуть нас за рукав. В 2012 году Россия отметила 1150-летие российской государственности. Сможет ли наше гражданское общество найти ответы на столь сложные и важные для государственности вопросы, если наверху царит юбилейное равнодушие, а внизу — апокалиптическая истерия?

* * *

¹ Повесть временных лет. СПб., 1996.

² Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов (Посвящается памяти А.Н. Пыпина) // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1904. Т. IX. Кн. 4. С. 284–365.

³ Цит. по: Негря Л.В. Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V–VII вв. М., 1981.

⁴ Крузе Ф. О происхождении Рюрика // Журн. Мин-ва народного просвещения. 1836. № 1.

⁵ Roric Nordmannus, qui praeerat Dorestado, cum consensus domini sui Hlutharii Regis classem duxit in fines Danorum et consentiente Horico Danorum rege partem

regni, quae est inter mare et Egidoram, cum sociis suis poasedit. S. Prudentii annales sive Annalium Bertinianorum pars secunda. Ab anno 835 usque ad 861 PL. T. CXV. P. 1852 Col. 1375–1420.

⁶ Кузьмин С.Л. Ладога в эпоху раннего Средневековья (середина VIII — начало XII в.) // Исследования археологических памятников Средневековья: сб. науч. ст. СПб., 2008. С. 14.

⁷ Герье В. Лейбниц и его век. СПб., 1868. С. 369–373; Он же. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871. С. 100–103.